

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Слово

въ день празднованія исполнившагося 40-лѣтія священнослуженія Высокопреосвященнѣйшаго Никанора, Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго 1).

Торжественный гулъ колоколовъ, раздающійся нынѣ по городамъ и всямъ Казанской земли, благодарственныя молитвословія, возносимыя въ храмахъ, наконецъ торжественное богослуженіе и необычайное молитвенное собраніе въ этомъ священномъ храмѣ людей различныхъ положеній и возрастовъ—отъ юнаго дѣтскаго сердца до искушеннаго суровымъ жизненнымъ опытомъ мужа—все это, братія, въ переживаемое нами время разныхъ искушеній и бореній мысли и чувствъ волнуется радостнымъ біеніемъ сердце вѣрующаго христіанина. Такое отношеніе Казанской церкви ко дню исполнившагося 40-лѣтія священнослуженія ея духовнаго вождя говорить о живомъ сознаніи и жизненномъ усвоеніи вѣчнаго апостольскаго завѣта: *„Просимъ васъ, братія, уважать трудящихся у васъ и предстоятелей вашихъ въ Господѣ, и вразумляющихъ васъ, и почитать ихъ преимущественно съ любовію за дѣло ихъ“* (1 къ Солун. 5, 12—13). 40 лѣтъ доблестнаго служенія св. церкви и дорогому отечеству въ разныхъ краяхъ его—отъ Каспія и Волги до Бѣлаго моря, отъ горнаго Уральскаго хребта до Вислы—вѣдь это путь не малый. Работать сначала въ скромномъ званіи сельскаго священника, въ продолженіи болѣе 12 лѣтъ нести отвѣтственную должность ректора семинаріи въ Казани, быть Архипастыремъ преемственно въ Архангельскѣ, Смоленскѣ, Орлѣ, Екатеринбургѣ, Гродно, Варшавѣ и, наконецъ, въ Казани—однѣ

1) Произнесено за литургіей въ кафедральномъ Благовѣщенскомъ соборѣ 3-го ноября 1908 года.

эти вѣхи жизненнаго пути Архипастыря свидѣтельствуя о подвигѣ не легкомъ...

Вотъ я какъ бы вижу нашего, убѣленнаго сѣдинами, святителя. Стоитъ онъ въ утро сегодняшняго трогательно-знаменательнаго для него дня въ глубокой задумчивости... Длинной вереницей проносятся предъ его умственнымъ взоромъ образы былого, прожитого за 40 лѣтъ вѣрнаго служенія церкви, и уста его молитвенно шепчутъ: „Боже, какъ много было пережито, переиспытано, сколько силъ и здоровья было пострачено; но благодарю Тебя, что Ты милостиво призрѣлъ на меня и помогъ мнѣ свершить, что я хотѣлъ, къ чему стремился во славу Св. Церкви Твоей“!...

Вспоминаются ему первые, почти въ юношескомъ возрастѣ, годы служенія въ безвѣстныхъ, но родныхъ и милыхъ ему степяхъ понизовья поволжскаго; вновь содрогается его сердце отъ воспоминанія той великой скорби и тяжелаго искушенія, которыми прервались (для него) эти годы; но снова слышится молитвенный шепотъ: „Благодарю Тебя, Боже, что Ты былъ со мною въ годину искушенія и помогъ мнѣ переболѣть и перестрадать это горе, далъ мнѣ познать въ этомъ промыслительную Десницу Твою о мнѣ, дабы я, самъ страдавшій, возмогъ и страждущимъ помощи“!

Шире раздвигаются рамки былого... Видитъ себя святитель въ Казани, которой отдалъ болѣе трети своей жизни, гдѣ 23 года кипучей дѣятельности сдѣлали его мужемъ совѣта, крѣпкаго разума и жизненнаго опыта. Здѣсь зародились и крѣпли новыя духовныя связи; здѣсь была Академія, его пріютившая и отъ горя согрѣвшая, его воспитавшая и на новое дѣланіе благословившая; здѣсь не одно поколѣніе юношей умудрялось его разумомъ и согрѣвалось любовію его сердца; сотни дѣлателей на нивѣ Христовой были носители его духа и исполнители его думъ; здѣсь, наконецъ, онъ сталъ епископомъ,—все это

сдѣлало ему Казань милою, родною, а его для казанцевъ своимъ... Вспоминаются ему послѣднія минуты разставанія съ Казанью, и снова шепчуть его уста: „Да, подняться и оторваться отъ той почвы, на которой я жилъ почти 23 года, мнѣ было тяжело и душевно больно“; и опять изъ 15-лѣтней дали доносятся до него голоса казанцевъ, съ великою убѣжденностію на прощаніе говорившихъ: „для всѣхъ насъ останутся незабвенными твои, святитель, заботы о нравственно-религіозномъ просвѣщеніи русскаго и инородческаго населенія Казанскаго края и та неутомимая энергія, которую ты проявлялъ здѣсь“. И съ вѣрою въ крѣпость этихъ связей оставляетъ онъ Казань....

Вотъ онъ на далекомъ сѣверѣ, гдѣ безконечныя тундры, топкія, на сотни верстъ тянущіяся болота смѣняются угрюмыми вѣковыми лѣсами, прорѣзываются медленно и широко текущими рѣками, гдѣ „пустыня внемлетъ Богу и звѣзда съ звѣздою говоритъ“. И видитъ онъ себя плывущимъ на утломъ челнокѣ, ѣдущимъ на простой телѣгѣ, путешествующимъ на оленяхъ, чтобы дѣлать дѣло Христово среди насельниковъ края, дѣтей природы, но и чистыхъ сердцемъ, какъ дѣти,—и произносятъ его уста слова благодаренія Пастыреначальнику: „Благодарю Тебя, Господи,—много труда и силъ было отдано здѣсь, но и любовь Твоя ко мнѣ велика: по трудамъ моимъ я видѣлъ и плодъ добрый“.... Смѣняется картина за картиной... Всплываютъ на поверхность души воспоминанія о Смоленскѣ, Орлѣ, Екатеринбургѣ, Гродно и Варшавѣ.... И слышу я, какъ онъ говоритъ: „Да, мы странники и пришельцы на землѣ;... вѣрно слово Твое, Господи, что „инь ты пояшетъ и ведеть, аможе не хочещи“, и покрываются эти слова идущимъ изъ глубины души голосомъ крѣпкой вѣры: „Слава Богу за все. Господи! на этомъ длинномъ пути были иногда и жестокія бури и свирѣпыя волны, но я не боялся потопленія, ибо я стоялъ на крѣпкомъ камнѣ. Пусть свирѣпствовали бури, пусть вздыма-

лись волны: онѣ не могли сокрушить камня, не могли потопить корабля Иисусова. Я же всегда открывалъ Тебѣ свое сердце и говорилъ: да будетъ воля Твоя, Господи! не какъ хочеть тотъ, или другой, но какъ Ты хочешь! Вотъ что было моею крѣпостью несокрушимой, вотъ мой камень неподвижный, вотъ моя трость непоколебимая!

И вотъ онѣ, братіе, послѣ длиннаго и утомительнаго пути, когда день жизни его уже склонился къ вечеру, снова въ Казани,—на этой второй для него родинѣ, снова онѣ съ тѣми, которые 15 лѣтъ тому назадъ отъ себя съ любовью отпускали его... Что же мы скажемъ ему въ сегодняшній глубокознаменательный день для него? Велика и крѣпка твоя вѣра, святителю Божій, и по сей вѣрѣ великъ и славенъ плодъ 40-лѣтняго дѣланія твоего на нивѣ Христовой. Хотя мы и были разлучены съ Тобою по плоти, но умными очами созерцали и душею умилялись и благоговѣли предъ тѣмъ, какъ ты, облагодатствованный силой Христовой, широко и глубоко сѣялъ плоды своихъ знаній, опыта и энергіи. Мы радовались, когда благодаря тебѣ въ разныхъ городахъ и всѣхъ земли родной выросли сотни школъ и десятки церквей, организовались ученія общества и комитеты, призывались къ жизни благотворительныя учрежденія, созидались различныя многочисленныя полезныя организаци. Мы были съ тобою, когда ты святительствовалъ у береговъ Бѣлаго моря и на юго-западѣ Россіи, направлялся волею Божіею къ Уральскому хребту и на западную русскую окраину, и радовались, видя, какъ тобою исправлялось старое, создавалось новое, крѣпла жизнь церковная, созрѣвали и выполнялись грандіозные планы, и посѣянное тобою давало плодоносные всходы. И мы сердцемъ были въ числѣ тѣхъ, которые громкими голосами выражали чувства глубокой признательности и великаго уваженія, когда отмѣчали 25-лѣтіе твоей дѣятельности, радовались за 30-лѣтнее твое служеніе и торжественно праздновали 35-лѣтній юбилей

твоей самоотверженной преданности церкви и родинѣ. А теперь?! Теперь мы, будучи свидѣтелями четырехдесятого часа славной и блестящей работы твоей, видя тебя, ослѣненного ореоломъ предприимчиваго инициатора, мудраго организатора, опытнаго администратора, щедраго благотворителя, — сугубо радуемся. Мы торжествуемъ и радуемся въ сознаниі того, что ты, на время оставивъ насъ, дабы лучами свѣта твоего согрѣвались и плодовъ заботъ и трудовъ твоихъ вкусили и другіе грады и веси обширнаго, всѣмъ намъ дорогаго отечества, — теперь озаряешь насъ тихимъ свѣтомъ созрѣвшей, какъ спѣлый колось, славы твоей!

Радуйтесь и торжествуйте въ сей день вы — родныя святителю — разсадницы Христова знанія; вѣдь одна изъ васъ была для него матерію, а для другой — онъ былъ и есть отецъ! Радуйтесь и торжествуйте вы — дѣти, юноши и старцы, — и своею радостію заставьте замолкнуть раздающіеся нынѣ враждебные церкви голоса, заявляющіе о распадѣ ея, о колебаніи связей между пастырями и пасомыми; вы не словами, а дѣломъ докажете, что въ церкви Русской доселѣ царитъ *„единеніе духа въ союзъ мира“*! И вы, пастыри Казанской церкви, ликуйте! Своею радостію за Архипастыря явите вашу вѣрность своему вождю, и засвидѣтельствуйте, что постарому крѣпокъ союзъ между пастырями и Архипастырями, и ранѣе никогда не было и впредь никогда не можетъ быть раздѣленія между ними!

Всѣ же, братіе, помолимся Пастыреначальнику — Христу, да подастъ Онъ нашему Архипастырю еще многія и многія лѣта право править слово истины въ крѣпости силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, да благословитъ Онъ — Христосъ успѣхомъ всѣ его труды и начинанія во благо Казанской церкви, и да будетъ дальнѣйшее служеніе его и въ вечеръ жизни восхожденіемъ отъ силы въ силу и отъ славы въ славу, въ очахъ Божіихъ и человѣческихъ!

И еще расширимъ, братіе, свое сердце, дадимъ мѣсто моленію и о той великой семьѣ, изъ нѣдръ которой исходятъ такіе кормчіе Церкви Христовой, великой семьѣ—святорусской землѣ! Будемъ молить Господа, да не оскудѣетъ она—сильная св. вѣрой Христовой—и впредь во благо народа подобными духовными вождями, и да пребудетъ велика богатствомъ духа и славна красотой вѣры во вѣки вѣковъ!

Свящ. *Павелъ Руфимскій.*

◆◆◆◆◆
† **Священникъ А. И. Березинъ.**¹⁾

(1854—1908).

Некрологъ.

Отпѣваніе праха о. Аѳиногена было назначено на 8 октября. Со дня смерти шли почти постоянныя панихиды по усопшемъ, совершаемыя тѣмъ или другимъ изъ Казанскихъ пастырей, а въ промежуточное время оо. діаконы читали св. Евангеліе. Наканунѣ погребенія о. кафедральнымъ протоіереемъ А. П. Яблоковымъ соборно по парастасу было совершено всенощное бдѣніе, послѣ котораго о. ключарь собора П. А. Рождественскій совершилъ панихиду.

Утромъ 8 октября въ 8½ ч. утра былъ совершенъ выносъ тѣла въ кафедральный соборъ. Гробъ несли священники, а крышку гроба съ возложеннымъ вѣнкомъ—пѣвчіе архіерейскаго хора. Впереди шествовали соборные хоругвеносцы съ иконами и хоругвями, а за ними мальчики—пѣвчіе несли возложенные на гробъ о. Аѳиногена вѣнки. Всѣхъ вѣнковъ было возложено четыре.

Предъ входомъ въ соборъ торжественная процессія была встрѣчена Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Михаиломъ, который и совершилъ Божественную литургію въ сослуженіи о. кафедральнаго протоіеря, ис. об. благочиннаго Н. С. Воскресенскаго, земляка покойнаго—свящ. Сокольскаго и соборнаго священника о. С. Багина. За литургіей архіерейскій хоръ пѣлъ любимые мотивы своего батюшки-регента, что произвело сильное впечатлѣніе на молящихся.

1) Окончаніе. См. № 43.